
Н. В. ПОНЫРКО

Автор стихов покаянных и распевщик
юродивый Стефан

В 1976 г. вышла в свет книга Д. С. Лихачева и А. М. Панченко «Смеховой мир Древней Руси», где я впервые опубликовала в то время мною найденные прощальные послания юродивого XVII в. Стефана Трофимовича Нечаева, которые он написал матери и жене (и отдельно дяде) перед уходом в юродство.¹ Публикация была повторена во 2-м издании книги — «Смех в Древней Руси» (1984 г.).²

Послания юродивого Стефана дошли до нас в составе рукописи РНБ, Q.I.401, представляющей собой конволют, т. е. сборную рукопись, в 4-ку, в которой под одним переплетом были собраны одновременно написанные и первоначально отдельно существовавшие рукописи XVII и XVIII вв. Послания юродивого Стефана и комплекс кратких сочинений, с ним связанных и описывающих его кончину, включенные в этот кодекс, как и большинство вошедших в него памятников письменности (а среди них: сочинение дьякона Феодора, соратника протопопа Аввакума, «О антихристовой прелести», Пятая Соловецкая челобитная, Житие инока Корнилия первой, Пахомиевой, редакции, сочинение Спиридона Потемкина, обличающее Никонову реформу, и др.),³ представлены здесь не автографом, а поздним списком посл. четв XVIII в.

¹ Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир Древней Руси. Л., 1976. С. 183—191.

² См. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 205—213.

³ Содержание сборника **1-я рук.** (на бумаге кон XVIII в., водяной знак — литеры *Р Ф* в картуше, типа *Кле пи ков*, I, № 689, 1788 г.) л. 1 Святцы, л. 2—3 Императорский указ от 17 авг. 1722 г. управляющему Петровских заводов о посылке к выговским старообрядцам духовного лица для диспута о вере, л. 3 об. — 4 Императорский указ из Святейшего Синода от 5 июля 1722 г. ландрату Петровских заводов Муравьеву о посылке иеромонаха Неофита для диспута о вере со старообрядцами, л. 4 об. — 13 Инструкция иеромонаху Неофиту для «разглагольствия» со старообрядцами, л. 13 об. — 15 об. Императорский указ выго-лексинским настоятелям о «разглагольствии» с иером. Неофитом **2-я рук.** (на бумаге посл. четв XVIII в., водяной знак — медведь с секирой и литеры ЯМСЯ, см. *Кле пи ков*, I, № 772, 1783 г.) л. 16—35 об. Прощальные послания юродивого Стефана Трофимовича Нечаева и документы, сообщающие о юродивом и его кончине **3-я рук.** (на бумаге 40—60-х гг. XVII в., водяные знаки — двуглавый орел под короной, см. близкие *Хивуд*,

Непосредственно с посланиями юродивого соседствует помещенная вслед за ними единственная в этом сборнике рукопись XVII в., выполненная на бумаге 40—60-х гг. XVII в., форматом в 4-ку, но гораздо более меньшим, чем формат других рукописей кодекса, так что создателям конволюта пришлось восстанавливать размер этой рукописи до основного размера с помощью подклеек к ее полям поздней бумаги.

Содержание рукописи XVII в. — распетые на крюках богослужебные тексты и три неизвестных (нотированных) покаянных стиха, а также один незаконченный покаянный стих XVI в. (нач.: «Приидѣте преже конца...»), известный по другим рукописям:⁴ л. 36 об.—43 об., 50—55 об., 57—70 Распетые на крюках богослужебные тексты; л. 44—46 об. «Покаяненъ о еже всегда должны есмы поминати смертный час», нач.: «О, человекѣ убогий, что еси гордишия...»; л. 46—48 «Покаяненъ о еже всуе мятется всякъ человекъ живой», нач.: «Воистинну убо, братие, блаженный Давыдъ, царь и пророкъ, сице рече...»; л. 49 «Покаяненъ», нач.: «Весь от страстей безмерныхъ содержимъ есмь...»; л. 70 об.—71 об. Покаянный стих XVI в. без заглавия, нач.: «Приидѣте преже конца, возлюбленная моя братия...» (без окончания). При неизвестных стихах имеются записи их автора, в которых он, не называя своего имени, сообщает, что сочинил стихи в 1662 и 1667 гг., т. е. в годы, когда был жив юродивый Стефан (он скончался в мае 1667 г.), что должно было бы в свое время насторожить мое внимание.

Но этого не случилось. Я тогда, как и многие другие, находилась под влиянием концепции А. М. Панченко, сформулированной им в «Смеховом мире Древней Руси»: «Для юродивого, пребывающего „в подвиге“, писательство исключено».⁵ Со времен выхода в свет этой работы А. М. Панченко суждение это воспринималось как одно из самых убедительных и не вызывало сомнений. В 1994 г. его как аксиому повторил в своей книге «Византийское юродство»

№ 1300, 1644—1646 гг., Гераклитов, № 131, 1643 г., № 132—134, 1644 г., № 140, 1647 г., и голова шута в воротнике с семью бубенцами, см. близкие Хивуд, № 1997, 1665 г., № 2000, 1662 г., № 2022, 1669 г., Гераклитов, № 1335, 1336, 1659 г.) л. 36—71 об. Нотированные богослужебные песнопения и 4 покаянных стиха 4-я рук. (на голубоватой бумаге кон XVIII в., водяной знак с «белой датой» 1788 г.) л. 72—144 Книга о российских святых 5-я рук. (на бумаге кон XVIII в., водяной знак и почерк идентичны 1-й рук.) л. 115—126 Сочинение дьякона Феодора «О антихристовой прелести», л. 126—133 об. Выписки из книги о вере, Кормчей, Маргарита и других о ересьях и еретиках и об антихристе, л. 134—149 Пятая Соловецкая челобитная, л. 150—152 об. Выписки из Толкового апокалипсиса, Книги о вере, Кормчей об антихристе, л. 152 об.—153 Две погребальные стихиры «Зряще мя безгласна » и «Плачуся и рыдаю, егда помышляю смерть», л. 157—186 Житие Корнилия Выговского Пахомиевой редакции с добавочными повестями о патриархе Никоне, л. 187—192 Послание 1771 г. некоего старообрядца к адресату Константину Сергеевичу по поводу его сближения с господствующей церковью, л. 193—216 Выписки из Толкового апокалипсиса, Паренесиса Ефрема Сирина и Челобитной старца Авраамия на тему печати антихриста, л. 217—232 Слово Спиридона Потемкина, л. 250 об.—255 об. Выписки из Номоканона об иночестве, оглашении при посвящении в «малый образ», поучение восприемнику, о присоединении из ересей, л. 256—261 об. Мучение Петра и Евдокима

⁴ См. Ранняя русская лирика Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV—XVII веков / Составители Л. А. Петрова и Н. С. Серегина Л., 1988 С. 171—172, 304—306

⁵ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси С. 76

С. А. Иванов: «Юродивый анонимен, он не оставляет после себя сочинений».⁶ Хотя сам А. М. Панченко считал нужным оговориться по поводу своей гипотезы: «Конечно, несовместимость юродства и писательства не стоит возводить в абсолют. Как и всякий принцип он допускает какие-то отклонения».⁷ На что и обратил внимание В. Н. Топоров, считая последнюю формулировку А. М. Панченко «более точной и отвечающей реалиям».⁸ Со своей стороны В. Н. Топоров высказал мнение, что «если совмещение юродства как подвига с писательством действительно, *видимо*, невозможно или, точнее, кажется, *неизвестно практически* (курсив. мой. — Н П.) <...> то сочетание комплекса юродивости (а он вовсе не обязательно предполагает юродивость как подвиг) с писательством, несомненно, возможно и встречается не так уж редко».⁹ Вслед за книгой В. Н. Топорова вышла в свет публикация Ю. Д. Рыкова, обнаружившего рукописный сборник с обширными сочинениями юродивого Петра, жившего в середине XIX столетия, который, пребывая в подвиге юродства, постоянно занимался писательством;¹⁰ таким образом стал «практически известен» пример совмещения подвига юродства с писательством.

Вернемся к юродивому XVII в. Еще в 1976 г., работая со сборником РНБ, Q.I.401, я обратила внимание на то, что в его оглавлении, помещенном на листе, приклеенном к внутренней стороне верхней крышки переплета (оно выполнено скорописью конца XVIII в.), строка, описывающая интересующий нас фрагмент с нотированными богослужебными текстами и покаянными стихами, почти полностью замазана чернилами более позднего времени, так что читалось лишь: «Писанное... <далее замазано около 3—4 слов> ...овое пение». В те годы ни о каких новейших методах чтения ветхих текстов в инфракрасном или рентгеновском излучении и т. п. не было речи. Но с недавних пор в РНБ при Отделе рукописей появилась Лаборатория кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документов, созданная трудами Д. О. Цыпкина. И в настоящее время при телевизионном осмотре в инфракрасных лучах в 3-кратном увеличении удалось прочесть эту замазанную чернилами строчку оглавления: «Писанное *рукою блаж[еннаго]* Стефана крюковое пение» (см ил. 1). Тот, кто в конце XVIII в. составил реестр содержащихся в сборнике сочинений (а именно так он назвал свое оглавление — «Рѣестрь сей книги содержащимся описаниемъ»), знал, что тетради с крюковыми нотами были написаны самим блаженным Стефаном. Откуда-то автор оглавления это знал. Во всяком случае, когда перед ним был список, а не оригинал, он и определял это в своем реестре как список, ведь содержание предыдущей тетради, как раз прощальные послания юродивого Стефана в списке XVIII в., он озаглавил так: «*Котия съ епистолии Стефана блаженнаго*».

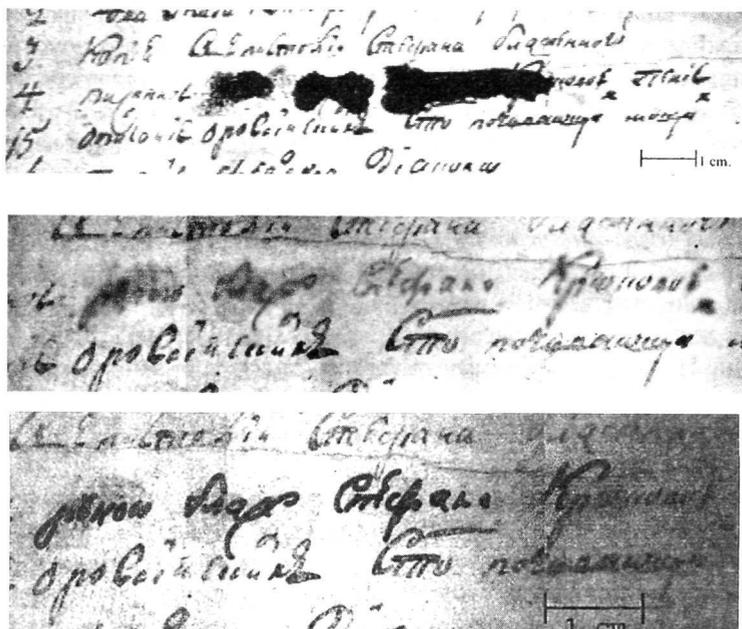
⁶ Иванов С А Византийское юродство М, 1994 С 108

⁷ Лихачев Д С, Панченко А М, Поньрко Н В Смех в Древней Руси С 76

⁸ См Топоров В Н Святость и святые в русской духовной культуре М, 1998 Т 2 С 169

⁹ Там же

¹⁰ См Рыков Ю Д Неизвестный старообрядческий писатель XIX в Петр Юродивый и его эсхатологические сочинения // Старообрядчество в России (XVII—XX вв) М, 1999 С 149—189

Ил. 1. Залитая чернилами строка Оглавления сборника РНБ, Q.I.401 и прочтение ее в инфракрасных лучах

Почерк, которым писаны покаянные стихи, и почерк, которым выполнены нотированные богослужебные песнопения, принадлежит одной руке. Это очень четкий, отработанный полуустав (в записях — с элементами скорописи); но в покаянных стихах он весьма мелкий, а в распетых литургических текстах он втрое крупнее и в сочетании с начерком крюков дает ощущение большой парадности, чего нет в каллиграфии покаянных, — и это поначалу мешает увидеть их идентичность. Зато без всякой разницы масштабов букв выполнены киноварные заглавия всех текстов рукописи XVII в., и литургических, и покаянных. Это крупная скоропись одной руки, использующая везде одинаковый прием вкрапления в основной киноварный текст отдельных черных букв. И последнее, что демонстрирует принадлежность рукописи одной руке, — это оформление киноварных инициалов. Искусно и пышно оформленные буквицы первых строк каждого нового текста абсолютно одинаковы по манере и масштабу и в литургической части рукописи, и в покаянных.

Пришло время обратиться к двум записям, которые оставил человек, написавший в рукописи XVII в. покаянные стихи. На л. 56 <25>:¹¹ «Лѣта 7170-го го-

¹¹ Здесь и далее в угловых скобках мы приводим первоначальную нумерацию листов рукописи XVII в., проставленную, однако, почерком, отличным от почерка основного текста этой рукописи; при включении рукописи в конволют порядок следования листов был перепутан. Первоначальная пагинация рукописи соотносится с библиотечной нумерацией листов конволюта следующим образом: <л. 3—10> = л. 36—43; <л. 11—18> = л. 57—64; <л. 19—24> = л. 50—55; <л. 25> = л. 56; <л. 27—32> = л. 44—49; <л. 33—39> = л. 69—71.

ду [1662 г.] месяца марта въ 30 день *покаянны сия творилъ* или явственнѣйши рещи изложилъ и скверною *своею десницею и написалъ* нѣкто непотребный и многогрѣшный рабъ, иже возбраненъ бых и зазоренъ от своея совѣсти и имя свое описати, понеже пучиною явихся всѣхъ беззаконий <...> Начало же имѣють тыя покаянны: первый — „О, человекъ убогий“, вторый же — „Воистинну, убо, братие“».

И на л. 48 об. <31об.>.: «Лѣта 7175-го году [1667 г.] месяца апреля въ 6 день *сей покаянный изложенъ тѣмъ же сквернымъ и многогрѣшнымъ рабомъ*, еже напредѣ писано. Начало же имеетъ той покаянный сице: „Весь от страстей безмѣрныхъ содержимъ есмь“».

Почерк этих записей и почерк, которым писаны покаянные стихи («покаянны»), один. Итак, перед нами автограф сочинителя покаянных стихов, который, как он сам выразился, «покаянны сия творил <...> и своею десницею <...> написал». Что этим сочинителем был юродивый Стефан, свидетельствует составитель оглавления сборника.

Кроме того: на том отдельном листе рукописи, где читается одна лишь запись о создании 2 первых покаянных стихов в 1662 г., справа на поле, напротив текста записи, как раз в том месте, где обычно помещаются авторские лигатуры или инициалы, мы видим еще одну чернильную кляксу, закрывающую, как можно рассмотреть в проходящем инфракрасном освещении с использованием оптико-электронного анализа, какую-то краткую надпись или, возможно, монограмму, из которой четко прочитываются литеры С Ф.

Наконец, на первых 7 листах этой рукописи, там, где представлены нотированные богослужебные песнопения, остались едва заметные следы записи-скрепы, тоже кем-то тщательно уничтожавшейся (ее заглаживали). Теперь с помощью телевизионного наблюдения видимой люминесценции этой вытертой записи мы прочли ее (к сожалению, не полностью): «Книга сия написана 7174 году [1665/1666 г.] <...> в <...> *по удалению* < . > за вклад по своей душѣ и по своих родителях». Реалии этой записи соответствуют реалиям жизни юродивого Стефана: книга написана в 7174 г., а он скончался на год позже — в 7175 г.; и особенно знаковы в этой записи слова «по удалению», к сожалению, из-за утраченной части текста лишённые контекста, но в контексте биографии юродивого вполне прозрачны: речь идет (после обычного указания на дату общепринятого летосчисления) о том отсчете времени, в котором исходным рубежом, началом отсчета, был его уход в юродство, *удаление* от мира и уход из дома. Именно этим словом пользуется Стефан в прощальном послании к матери и жене, когда сравнивает свой уход с даром Богу: «Такожде и азъ *удалися* от васъ» (л. 30 об.).¹²

Итак, юродивый писал покаянные стихи и переписывал богослужебные песнопения.

Но он был не только творцом покаянных стихов, а и опытным распевщиком. В этом убеждает содержание богослужебной части его рукописи. Сначала

¹² Лихачев Д С, Панченко А М, Поньрко Н В Смех в Древней Руси С 211

перечислим все записанные им нотированные песнопения: <л. 3—10 об.> (36—43 об.) — «Достойно великое Пречистыя обители, нарицаемая Тифиньския» (дан употреблявшийся в Тихвинском монастыре музыкальный вариант песнопения в честь Богородицы «Достойно есть яко воистину блажити тя, Богородице»), богородичен «О тебѣ радуется, Обрадованная...», избранные стихи 4-го и 7-го псалмов 1-й кафизмы; <л. 11—18 об.> (57—64 об.) — «На литургии блаженны» с 1-го по 8-й глас, кондак праздника Богоявления «Явился еси днесь вселеннѣй, свѣтъ твой, Господи, знаменая на насъ...», богородичная стихера «Преблагословенна еси, Богородице, Дѣво...», стихера по чтении Евангелия на утрени «Воскресение Христово видѣвше...», один из припевов Григория Синаита, исполняемый за воскресной полунощницей после Троичного канона «Достойно есть яко воистинну славити тя Бога Слова...», стихера праздника Богоявления «Преклонилъ еси главу Предотечи...»; <л. 19—24 об.> (50—55 об.) — под общим заглавием «В субботу 5-ю Великаго поста»: кондак «Возбранной воеводѣ...», песнопение Богородице «Подъ кровь твою, Владычице, вси земнороднии прибѣгающе...», «Свете тихий», «В Суботу великую поемъ вмѣсто херувимския пѣсни „Да молчитъ всяка плоть...“»; <л. 33—38> (65—70) — стихера Великой субботы на целование плащеницы «Придѣте, ублажимъ вси Иосифа приснопамятнаго...».

Обращает на себя внимание то, что большое количество фрагментов распева имеет на полях значительно более пространный музыкальный вариант, выполненный мелкой киноварью тем же почерком, т. е. рукою писавшего основной текст. И важно, что временами киноварные крюки на полях рукописи — это не только «розводъ» (т. е. подробное раскрытие графически кратких знамен, звучащих мелодически весьма протяженно) или пространные варианты распевов, но и «справа» — безвариантная замена одной нотации на другую (см. л. 53 <22>) или технические указания распевщика, типа «выдержи», над знаком «змеицы» в песнопении «Свете тихий» («прешедшу солнцу <„выдержи“> на запад») (см. л. 52 об. <21 об.>).

Но этого мало: в самом тексте в процессе написания крюков автор прерывает себя возможностью привести другой музыкальный вариант и делает это в строке, повторяя слова, но пиша над ними совершенно другую нотацию. Так, в Тихвинском «Достойно» он после слов «присноблаженную и пренепорочную» пишет в строке слово «Произволь» (т. е. выбор, кто как изволит, или произволит) и повторяет два эти слова с совершенно другими крюками над ними. Так же перебивает он сам себя музыкальными вариантами внутри одного песнопения и когда записывает богородичную стихеру «Преблагословенна еси, Богородице Дѣво!»: «Преблагословенна еси, Богородице Дѣво! Воплощимъ бо ся ис тебе адъ пленися, Адамъ призвася, клятва потребися и Евва свободися <Изволь. И Евва свободися>, и смерть умертьвися, и мы ожихомъ <И мы ожихомъ>. Тѣмъ, поуще, возопиемъ: Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако» (см. л. 61—61 об. <15—15 об.>).

И наконец, отдельные песнопения он переписывает целиком дважды ради другого распева, предпосылая новому музыкальному варианту определение

«Инъ переводъ» (т. е. вариант). Так он поступает с кондаками «Возбранной воеводѣ» и «Явилсяя еси днесь вселеннѣй».

Все свидетельствует о том, что перед нами опытный распевщик, знающий уйму вариантов распева одного и того же песнопения, умеющий ценить музыкальные традиции различных российских культурных центров (напомню, что первым в своей тетради он записал «Достойно великое» монастыря Тихвинской иконы Богородицы) и творящий музыку в процессе ее записи.

Итак, юродивый Стефан занимался не только литературным, но и музыкальным творчеством. Более того, в его случае оба эти вида творчества выступают в неразрывном единстве. Духовные стихи, как древние, так и более нового времени, всегда имеют музыкальную основу. Стефан Трофимович Нечаев сочинял не голый литературный текст, — он создавал поэтическое произведение в единстве его музыкальной и литературной формы. Свидетельство тому — сделанные им указания «на подобен» каких песнопений исполняется каждый из написанных им покаянных стихов: л. 44 <27> — «Покаянень о еже всегда должни есмы поминати смертный час. *Подобень*: Радуйся, живоносный кресте»; л. 46 <29> — «Покаянень о еже всеу мятется всякъ человѣкъ живой. *Подобень*: Егда от древа тя».

Пение «на подобен» — одна из особенностей древнерусской гимнографии. Она заключается в том, что при исполнении ряда богослужебных песнопений, не имеющих крюковой нотации, музыкальный лад и ритмическая основа для них задаются помимо указания на принадлежность к тому или иному из 8 глав еще и указанием на одно из базовых песнопений, ритмике и мелодике которого должна «подобиться» исполняемая «на подобен» стихера (см. указания на это в месячных минеях).

Юродивый Стефан создавал музыку своих покаянных стихов «на подобен», и в этом он оставался традиционным распевщиком. Как распевщик и литургист он обозначил ритмику своих стихов традиционным в древнерусском богослужебном обиходе знаком, проставленным им в конце каждого интонационно-ритмического периода, — кружком с пересекающимися его линиями, образующими знак, похожий на звездочку. Подобный знак проставляется в тексте стихер в богослужебных книгах для обозначения интонационных границ.

Но самое примечательное, что в своем первом покаянном стихе Стефан пронотировал полстрочки. Во фрагменте: «...иже вчера грозень и горделивъ* и всѣмъ страшень и неприступень,* нынѣ же от всѣхъ небрегомъ* и ногами попираемъ*» над словами «иже вчера грозень» он проставил беспометные крюки.

Когда и где писал юродивый Стефан эти тексты? Когда — это уясняется из сделанных им записей и раскрытой ныне скрепы, уже цитированных мною: в марте 1662 г. он написал 1-й и 2-й покаянные стихи, в 1665/1666 г. создал блок нотированных богослужебных песнопений и в апреле 1667 г., за месяц с небольшим до смерти, приписал к ранее написанным стихам последний покаянный стих.

Такая хронология подтверждается и археографическим анализом. Два первых покаянных стиха <л. 27—31> (44—48) писаны мелким полууставом на бумаге, водяной знак которой — двуглавый орел под короной (см. описание и датировку водяных знаков рукописи Стефана в примеч. 3.); затем запись об

этих стихах (о написании их в 1662 г.) сделана уже на другом, отдельном, листе бумаги <л. 25> (56), с другим водяным знаком (голова шута) и полууставом с элементами скорописи; далее все литургические песнопения сделаны на той же самой бумаге с головой шута; и наконец, последний покаянный стих, как и запись о создании его в апреле 1667 г., дописаны менее твердым и менее аккуратным почерком на оставшихся пустыми обороте предпоследнего и последнем листах тетради с двумя первыми покаянными стихами <л. 31об.—32> (48 об.—49).

Гораздо менее просто ответить на вопрос — где созданы эти тексты. В своем послании к матери и жене, уходя из Галича юродствовать на чужую сторону, Стефан Трофимович писал: «Ожидайте же от мене вести сто семдесятого году въ месяце октябре. Аще ли в томъ месяце не будетъ от мене вести, то уже не мните мене жива <...> Да не пецытеса и о семь, яко кости моя на чюжей стране положени будутъ» (л. 31—31 об.). Из записки о погребении юродивого Стефана, приложенной к его посланиям, мы знаем, что 14 мая 1667 г. он был погребен у Богоявленской церкви города Галича под трапезною, «идеже онъ самъ себе гробъ ископа» (л. 34). Из этой же самой записки известно, что он «юродствоваше многа лета» (л. 33).

Так что оговоренная в прощальном послании юродивого возможность быть похороненным «на чюжей стране» не сбылась. Но, возможно, было выполнено его обещание подать о себе весть в октябре 7170 (1662) г.: тут обращает на себя внимание датировка двух первых покаянных стихов — март 1662 г. (напомню, что по сентябрьскому летосчислению, употреблявшемуся в это время на Руси, октябрь предшествует марту).

Возможно, он вернулся в Галич в 1662 г. и оставался там до своей смерти в 1667 г.; возможно, пообещав подать о себе весть, в 1662 г. он возвратился туда не окончательно, а бывал там наездами. Во всяком случае, чтобы самому ископать себе здесь гроб у Богоявленской церкви «под трапезою на левой стране за печью» (л. 34), нужна была хотя бы частичная оседлость, связанная с этим городом. По крайней мере с большой долей вероятности можно считать, что последний покаянный стих, написанный незадолго до смерти уже нетвердой рукой (он написал его 6 апреля 1667 г., а умер 13 мая), был создан в Галиче.

Мы убедились в том, что юродивый мог быть творцом литературных и музыкальных произведений.

Теперь, располагая этими текстами, мы как бы получаем из первых рук свидетельство о духовном мире человека, подвизавшегося подвигом юродства.

И вот, опираясь на собственный текст Христа ради юродивого, мне хотелось бы остановиться на одной характерологической особенности, которая, как мне представляется, очень важна для понимания феномена юродства.

Стефану Трофимовичу Нечаеву, когда он решил на подвиг юродства, очень важно было «удалиться» из родных мест, уйти «на чужую землю». И это не исключительный случай. Многие из юродивых (можно сказать — большинство) являлись пришлецами в местах их подвижничества. Арсений Новгородский пришел в Новгород из Ржева, Иоанн Большой Колпак пришел из вологодских пределов в Ростов, а оттуда в Москву, Прокопий Устюжский, приплыв как

купец из латинских земель в Новгород, отправляется оттуда юродствовать в Устюг, Иоанн Устюжский тоже появляется в Великом Устюге, покинув «свое отечество» город Орлов, Исидор Твердислов, как и Прокопий Устюжский тоже уроженец «западных стран», приходит в Ростов после странствования по многим русским городам; духовный сын протопопа Аввакума юродивый Федор покинул свою родину Великий Устюг и юродствовал в Москве; о Симоне Юрьевецком в его житии сказано, что когда он устремился на подвиг юродства, то «восхоте от своих соплеменник <...> в чуждых странах отлучитися и странен быти» (см.: РНБ, собр. Погодина, № 757, л. 5).

Юродивый пришлец, он странник. Это подчеркивается почти каждой службой, посвященной Христа ради юродивому: «*Странень* показася от всѣхъ сродник и знаемых...» (тропарь 1-й песни канона Василию Блаженному).¹³ Он бездомен: «Бысть *бездомень* на земли, богомудре Прокопие...» (седален службы святому блаженному Прокопию Устюжскому).¹⁴ Он наг, он гладен, у него нет, где главу приклонить, и постелью ему служит земля. Все это мы знаем по житиям и службам Христа ради юродивых.

Обратимся же теперь к покаянному стиху юродивого Стефана, который он заглавил словами «О еже всуе мятется всякъ человѣкъ живой»:

«Воистину убо, братие,* блаженный Давыдъ, царь и пророкъ,* сиче рече*: еже всуе мятется всякъ человѣкъ живой.* Сокровищуеть и невѣсть кому собираеть ѧ.* Саномъ и честию возносится,* богатствомъ и славою яко бурею възимается,* — и аки прахъ на землю падаетъ* и без вѣсти бываетъ.* И вся, яже имѣя здѣ на земли, оставляетъ.*

О, многострастная и окаянная душе моя,* воспряни и умилися:* доколѣ ти смертный часъ не приспѣ, покаяся*» (л. 46). И далее в покаянном стихе юродивого начинается скольжение смысла: между обличением и призывом к покаянию своей собственной души и обличением и призывом к покаянию других людей: «О, горе и люте будетъ на Страшномъ Судѣ* не сотворшимъ милости здѣ!* Слышасте ли самого Господа, глаголюща:* „Алчна мя не накормисте* и жадна не напоисте,* нага не одѣясте,* и, в темнице бѣхъ, — не придосте ко мнѣ*. И болна мя не посетисте“. Горе убо намъ, кий отвѣтъ сотворимъ тогда!* Рабовъ своихъ милуемъ,* о скотѣхъ промышляемъ и о псахъ печемся,* а Христа, за враты стояща, презираемъ!*» (л. 47).

Тема стоящего за воротами Христа делается лейтмотивом всего покаянного стиха Стефана: «Иже разбойнику рай отверзе* и во Царство Небесное всѣмъ намъ путь показавый* <...> *странень* <...>, не имѣя здѣ на земли гдѣ главы подклонити,* у вратъ дому твоего нагъ стоя,* от зимы померзаемъ, трясыйся* и гладомъ истаяваемъ,* умиленно вопиеть ти...» (л. 47 об.).

Не правда ли, здесь чувствуются автобиографические мотивы: юродивый странник, он наг, он замерзает в стужу, трясется и истаивает от голода; и он стоит на морозе за воротами, а хозяин дома сидит в тепле. Да ведь это тот, кто

¹³ Миняя служебная Август М., 1630 Л 61 об

¹⁴ Миняя служебная Июль М., 1629 Л 108

приходит к нам вместо Христа в образе «единого от братии сих меньших», как завещано Евангелием: «Взалках бо ся — и дасте ми ясти; воздадася — и напоите мя; странен бех — и введосте мене; наг — и одеясте мя, болен — и посетисте мене, в темници бех — и придосте ко мне. Тогда отвещают ему праведници, глаголюще: Господи, когда тя видехом алчуща и напитахом, или жаждуща и напоихом, когда же тя видехом странна и введохом, или нага и одеяхом, когда же тя видехом боляща или в темници и приидохом к тебе? И отвещав Царь речет им: Аминь, глаголю вам. Понеже сотвористе *единому сих братии моих меньших*, — мне створисте» (Мф. 25: 35—40). Юродивый — это тот, кто берет на себя образ Христа, стоящего за воротами. И в покаянном стихе юродивого Стефана это выражено абсолютно прямо: «Не вѣси ли, человекѣ, яко *всякъ убогий во Христа облечень...*», «во всякомъ христианине *сокровень есть Христось...*» (л. 48). А мы его не накормихом, не напоихом, не одеяхом.

Потому-то юродивого и именуют «Человеком Божиим», что отчетливо ощущают эту взятую им на себя миссию — быть Христом, стоящим под нашими воротами. Для того он и бездомен, и странен, и безымянен, что Христос говорил о безымянных «малых сих», а «Человек Божий» — это синоним безымянности.

Если мы обратимся к гимнографии служб святым, то увидим, что за юродивыми устойчиво закреплен этот эпитет — «Человек Божий», не употребляющийся по отношению к святым других чинов святости. «Человѣче Божий, вѣрный рабе, угодниче Христовъ, съвершителю того божественымъ повелѣниемъ...» — звучит в стихере, обращенной к Прокопию Устюжскому.¹⁵ «Человѣче Божий, муже желаний духовных, Царствию наслѣдниче...» — поется Василию Блаженному.¹⁶ «Человѣче Божий, чюдный Максиме» — провозглашается в службе Максиму Московскому.¹⁷ И так в подавляющем большинстве служб, посвященных святым, подвизавшимся в юродстве.

И тут мы волей-неволей приходим к теме Жития Алексея Человека Божия. Эта тема уже затрагивалась в связи с юродством С. А. Ивановым в его книге «Византийское юродство», там, где автор на примере этого Жития характеризует такие стереотипные (по Иванову) принципы юродственного поведения, как «провокация» и «агрессия» (терминология Иванова). Возвращаясь неузнаваемым домой, Алексей Человек Божий совершает, по Иванову, провокацию, а затем, открывая «родным правду о себе, когда уже ничего нельзя изменить», — агрессию.¹⁸

Вот это «ничего нельзя изменить» ставится исследователем в центр коллизии Жития Алексея Человека Божия; Иванов говорит о жестокости Человека Божия по отношению к его близким, даже о его садомазохизме, если рассуждать, как оговаривается автор, в понятиях психологии, однако, стремясь к постижению феноменологии юродства как социально-культурного явления,

¹⁵ Там же. Л. 109.

¹⁶ Миняя служебная. Август. Л. 58 об.

¹⁷ Там же. Л. 131 об.

¹⁸ Иванов С. А. Византийское юродство. С. 46—47.

С. А. Иванов прежде всего видит здесь юродственную провокацию и агрессию.¹⁹

Но, погружаясь в «сердечную растраву» (выражение С. С. Аверинцева) близких Алексея, Человека Божия, из-за того, что уже «ничего нельзя изменить»,²⁰ мы не заметили, что Человек Божий дал возможность своим близким соблюсти евангельскую заповедь («взалках бо ся — и дасте ми ясти; возжадахся — и напоисте мя; странен бех — и введосте мене...»). Они не узнали собственного сына в этом безымянном нищем страннике, но они узнали в нем Христа, и первое было условием последнего. Ведь отец Алексея принимает «незнаемого» нищего, воззавшего к нему: «Помилуй мя, убогаго странна», и 17 лет кормит и поит его в своем доме и приставляет к нему одного из своих «отроков», чтобы тот служил ему.²¹

Надо было удалиться на чужую сторону и вернуться безымянным Человеком Божиим, чтобы стать у ворот и постучаться.

Так вот почему святым юродивым усвоено имя Человеков Божиих: потому что их удел — быть такими же неузнанными странниками, как и Алексей Человек Божий, чтобы дать возможность и близким, и дальним узнать в них «странного» Христа.

И о том напоминают нам слова юродивого Стефана, распевщика и творца стихов покаянных, — «яко во всяком человеке сокровен есть Христос».

¹⁹ Иванов С. А. Византийское юродство. С. 46—47.

²⁰ Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1986. С. 35.

²¹ См.: БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. XI—XII вв. С. 248—255.